

Анатолий Васильевич Луначарский

Владимир Ильич Ленин

Анатолий Луначарский
Владимир Ильич Ленин

«Public Domain»

Луначарский А. В.

Владимир Ильич Ленин / А. В. Луначарский — «Public Domain»,

ISBN 978-5-457-21943-4

ISBN 978-5-457-21943-4

© Луначарский А. В.

© Public Domain

Анатолий Васильевич Луначарский Владимир Ильич Ленин

Я плохо знаю биографию Ленина и поэтому не буду пытаться здесь восстановить ее, так как для этого найдется, конечно, немало других источников. Я буду говорить только о тех отношениях, которые непосредственно у меня с ним были, и о тех наблюдениях, которые я непосредственно производил.

В первый раз я услышал о Ленине после выхода книжки Тулина, от Аксельрода. Книжки я еще не читал, но Аксельрод мне сказал: «Теперь можно сказать, что и в России есть настоящее социал-демократическое движение и выдвигаются настоящие социал-демократические мыслители». – «Как? – спросил я. – А Струве, а Туган-Барановский?» Аксельрод несколько загадочно улыбнулся (дело в том, что раньше он очень высоко отзывался о Струве) и сказал мне: «Да, но Струве и Туган-Барановский – все это страницы русской университетской науки, факты из истории эволюции русской ученой интеллигенции, а Тулин – это уже плод русского рабочего движения, это уже страница из истории русской революции».

Само собой разумеется, книга Тулина была прочитана за границей, где я в то время был (в Цюрихе), с величайшей жадностью и подверглась всяческому комментарию.

После этого до меня доходили только слухи о ссылке Ленина, о его жизни в Красноярске с Мартовым и Потресовым.

Ленин, Мартов и Потресов казались совершенно неразлучными личными друзьями, с одинаковой окраской, чисто русскими вождями молодого рабочего движения. Странно видеть, какими разными путями пошли эти «три друга»!

Книга Ленина по истории русского капитала произвела на меня гораздо меньшее впечатление. Я, конечно, сознавал ее статистическую солидность, талантливость и большой политический интерес, который она представляла, но я как раз меньше всего интересовался подробным цифровым доказательством развития капитализма в России, так как для меня лично факт этот был бесспорен, а в моей пропагандистской и агитационной деятельности пером и словом экономические вопросы занимали самое последнее место.

Я был в ссылке, когда до нас начали доходить известия о II съезде. К этому времени уже издавалась и окрепла «Искра». Во время разрыва «Искры» с «Рабочим делом», хотя кое-кто из моих друзей, например Николай Аносов, резко стоял на стороне «Рабочего дела», я лично не колеблясь объявил себя искровцем. Но самую «Искру» знал я плохо: номера доходили до нас разрозненно, хотя все же доходили.

Во всяком случае, у нас было такое представление, что к нераздельной троице: Ленин, Мартов и Потресов – так же точно интимно припаялась заграничная троица: Плеханов, Аксельрод и Засулич.

Поэтому известие о расколе на II съезде ударило нас как обухом по голове. Мы знали, что на II съезде будут последние акты борьбы с «Рабочим делом», но, чтобы раскол прошел такой линией, что Мартов и Ленин окажутся в разных лагерях, а Плеханов «расколется» пополам, – это нам совершенно не приходило в голову.

Первый параграф устава? Разве стоит колотиться из-за этого. Размещение кресел в редакции? Да что они, с ума там сошли за границей.

Мы были скорей всего возмущены этим расколом и старались, на основании скудных данных, которые доходили до нас, разобраться, в чем же тут дело? Не было недостатка и в слухах о том, что Ленин, склочник и раскольник, во что бы то ни стало хочет установить самодержавие в партии, что Мартов и Аксельрод не захотели, так сказать, присягнуть ему в качестве Беспартийного хана.

Но этому в значительной мере противоречила позиция Плеханова, как известно, вначале весьма дружественная и союзная с Лениным.

Вскоре, впрочем, Плеханов переметнулся на сторону меньшевиков, но это уже всеми было принято в ссылке (не только вологодской, думаю) как нечто дурно характеризующее Георгия Валентиновича. Такие быстрые перемены позиции не в авантаже у нас, марксистов.

Словом, мы были до некоторой степени в ночи. Я должен сказать, что русские товарищи, поддерживавшие Ленина, тоже не совсем точно представили себе, в чем дело. Самую могучую поддержку, несомненно, оказал ему А. А. Богданов, если говорить о личностях.

В этой плоскости присоединение Богданова к Ленину имело, можно сказать, решающее значение. Не присоединись он к Ленину – дело пошло бы, вероятно, гораздо медленней.

Но почему Богданов присоединился к Ленину? Он понял борьбу, разразившуюся на съезде, во-первых, как борьбу за дисциплину: раз за формулы Ленина голосовало как-никак большинство (хотя 1 голос), то меньшинство должно было подчиниться, а во-вторых, как борьбу русской части партии против заграничников. Ведь вокруг Ленина не было ни одного именитого имени, но зато почти сплошь приехавшие из России делегаты, а там, после перехода Плеханова, собрались все заграничные божки.

Богданов не совсем точно воспроизвел картину так: заграничная партийная аристократия не желает понять, что у нас теперь действительно партия и что прежде всего надо считаться с коллективной волей русских практических работников.

Несомненно, что эта линия, вылившаяся, между прочим, в лозунг – единый центр и притом в России, – подкупающе действовала на многие русские комитеты, в то время довольно густою сетью раскинувшиеся по России.

Вскоре сделалось известным, среди кого имеет успех та или другая линия. К меньшевикам примкнуло большинство марксистской интеллигенции столиц – они имели несомненный успех среди наиболее квалифицированных рабочих; к большевикам прежде всего примкнули именно комитеты, то есть провинциальные работники – профессионалы революции. И это была, конечно, главным образом интеллигенция, несомненно, другого типа – не марксистствующие профессора, студенты и курсистки, а люди, раз и навсегда бесповоротно сделавшие своей профессией революцию.

Главным образом этот элемент, которому Ленин придавал такое огромное значение, который он называл бактерией революции, и сплотился вокруг Богданова в знаменитое организационное Бюро Комитетов Большинства, которое и дало Ленину его армию.

Богданов в то время уже окончил ссылку, побывал за границей. Я был совершенно убежден, что он должен был более или менее правильно разобраться в вопросах, и поэтому, отчасти из доверия к нему, тоже занял позицию, дружественную большевикам.

Еще раз напомним здесь, что по приглашению тогдашнего ведущего соглашательскую линию ЦК я ездил в Смоленск. Перед этим я виделся в Киеве с товарищем Кржижановским, в то время игравшим довольно большую роль, близким приятелем товарища Ленина, однако колебавшимся между чисто ленинской позицией и позицией примиренчества.

Он-то и рассказал мне более подробно о Ленине. Характеризовал он его с энтузиазмом, характеризовал его огромный ум, нечеловеческую энергию, характеризовал его как необыкновенно милого, веселого товарища, но в то же время отмечал, что Ленин прежде всего человек политический и что, разойдясь с кем-нибудь политически, он сейчас же рвет и личные отношения. В борьбе же, по словам Кржижановского, Ленин был беспощаден и прямолинеен.

И в то время, как мне рисовался соответственный довольнотаки романтический образ, Кржижановский прибавил: «А на вид он похож на ярославского кулачка, на хитрого мужичонку, особенно когда носит бороду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.